

RU

Реализация характеристики «злой» при переводе на немецкий язык
(на примере переводов прозы Ф. М. Достоевского)

Чиркова Е. Н.

Аннотация. Цель исследования – определить основные семантические отличия между русскими прилагательными «злой» и «злой» и их наиболее частотными переводными соответствиями в немецком языке. Материал исследования ограничен шестью переводами на немецкий язык повестей Ф. М. Достоевского «Записки из мёртвого дома» и «Записки из подполья» (по три перевода каждой повести). Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые исследуется влияние внутренней семантической структуры русских лексем «злой» и «злой» на выбор переводного соответствия в немецком языке. В результате исследования показано, что в немецком языке существует большое разнообразие вариантов перевода русских прилагательных «злой» и «злой», среди которых можно выделить ядерные лексические единицы, являющиеся для русских прилагательных практически полными смысловыми соответствиями, и такие единицы, которые обладают семантическими особенностями, позволяющими им употребляться только в определенных контекстах: если характеристика «злой» относится к человеку и к описанию отношений между людьми.

EN

Rendering the characteristic 'злой' (evil; angry) into German
(by the example of translations of Fyodor Dostoevsky's prose)

E. N. Chirkova

Abstract. The aim of the study is to determine the main semantic differences between the Russian adjectives 'злой' (evil; angry) and 'злой' (spiteful; malicious) and their most frequent translation equivalents in the German language. The research material is limited to 6 translations into German of the stories "Notes from the House of the Dead" and "Notes from Underground" by F. M. Dostoevsky (3 translations of each story). The scientific novelty of the study lies in the fact that the work is the first to examine the influence of the internal semantic structure of the Russian lexemes 'злой' and 'злой' on the choice of translation correspondences in the German language. As a result of the study, it is shown that in the German language, there is a wide variety of translation options for the Russian adjectives 'злой' and 'злой', among which we can distinguish nuclear lexical units that are almost complete semantic correspondences and such units that have semantic features allowing them to be used only in certain contexts: if the characteristic 'злой' refers to a person and to the description of relationships between people.

Введение

В последние десятилетия в языкознании неизменно высок интерес к лингвокультурологическим и переводческим исследованиям, проявляющийся, в частности, в сосредоточении внимания на изучении сходств и различий в национальных картинах мира, что всегда важно учитывать при переводе. Изучением концептов ДОВОРО и ЗЛО и их лексических репрезентантов на материале разных языков занимались такие исследователи, как И. В. Пашаева (2004), О. А. Егорова (2005), Л. М. Шатилова (2006), Л. В. Колижук (2010), Т. В. Печагина (2011), А. Г. Жукова и Г. М. Мандрикова (2014), Тяньцзао Ван (2020), С. А. Ковалевская (2020а), Т. В. Ковалевская (2020б; Kovalevskaya, 2021). Большая часть работ посвящена изучению макроконцептов ДОВОРО и ЗЛО, в том числе в рамках сравнительного языкознания на материале разных языков. В необходимости расширить представления о входящих в них микроконцептах, таких, например, как ДОВОРО или ЗЛО, а также описать их вербальную реализацию в немецком и русском языках заключается актуальность данной работы.

Статья посвящена исследованию вариантов перевода русских прилагательных *злой* и *злбный* на немецкий язык и описанию их семантических отличий. Для достижения поставленной в работе цели необходимо решить следующие задачи: 1) найти в отобранных русскоязычных текстах все контексты употребления лексем *злой* и *злбный*; 2) выявить в немецких переводах все соответствия данным лексемам; 3) проанализировать семный состав указанных русских прилагательных и их немецкоязычных соответствий, учитывая контекстное окружение.

Выбор методов исследования определялся его целью и совокупностью поставленных задач. Для отбора материала использовался метод сплошной выборки (поиск в указанных текстах всех вхождений лексем *злой* и *злбный*, как в атрибутивном, так и в адвербиальном употреблении). На основе сравнительно-сопоставительного метода, предложенного еще А. А. Реформатским (см. его утверждение о том, что областью, в которой осуществляется научное осмысление проблем перевода, «объявляется дифференциальное сопоставление языков в разрезе их структуры» (1952, с. 12)), в указанных переводах были найдены все соответствия данным лексемам, как прямые, так и описательные. Для выявления семантических отличий использовался метод контекстуального анализа: учитывался контекст употребления лексем в оригинальном тексте.

Материалом для исследования послужили:

(1) Картоoteca всех случаев употребления лексем *злой* и *злбный*, встретившихся в повестях Ф. М. Достоевского «Записки из мёртвого дома» и «Записки из подполья»:

- Достоевский Ф. М. Записки из мёртвого дома // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 4.

- Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 5.

(2) Три перевода повести «Записки из мёртвого дома» на немецкий язык:

- Разин Е. К.: Dostojewski F. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus / übers. von E. K. Rahsin. 1972. <https://archive.org/details/aufzeichnungenau0000dost/page/162/mode/2up?q=frei>;

- Рель Г.: Dostojewski F. M. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus / aus dem Russ. von H. Röhl. Frankfurt am Main: Insel, 2003a;

- Элиасберг А.: Dostojewski F. M. Aufzeichnungen aus einem toten Hause / übers. von A. Eliasberg. 1923a. <https://www.projekt-gutenberg.org/dostojew/totenhau/titlepage.html>.

(3) Три перевода повести «Записки из подполья» на немецкий язык:

- Гайер С.: Dostojewski F. M. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch / übers. von S. Geier. Stuttgart: Reclam, 2003b;

- Разин Е. К.: Dostojewskij F. M. Aufzeichnungen aus dem Untergrund / übers. von E. K. Rahsin. 1985. https://archive.org/details/aufzeichnungenau0000dost_y8k6/page/4/mode/2up;

- Рель Г.: Dostojewski F. M. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch / Deutsch von H. Röhl. 1923b. <https://www.textlog.de/dostojewski/roman/aufzeichnungen-kellerloch/i-i>.

(4) Данные толковых, переводных и этимологических словарей русского и немецкого языка:

- Большой немецко-русский и русско-немецкий словарь онлайн. <https://de-rus-de-big-dict.slovaronline.com> (далее – БНРС);

- Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Транзиткнига, 2003. Т. 1;

- Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля онлайн. <https://slovardalja.net>;

- Толковый словарь Ожегова онлайн. <https://slovarozhegova.ru>;

- Толковый словарь Ушакова онлайн. <https://ushakovdictionary.ru>;

- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. <https://www.dwds.de/>.

Теоретическую базу исследования составили: работы по изучению философских мотивов в творчестве Ф. М. Достоевского (Бердяев, 1924; Зандер, 1960; Степун, 1962), работа А. А. Реформатского (1952), посвященная анализу перевода на основе метода сравнительного языкознания, статья Г. В. Валеевой (2017), изучавшей роль понятий *добро* и *зло* у Ф. М. Достоевского, публикации Т. В. Ковалевской (2020b; Kovalevskaya, 2021), посвященные переводам творчества Ф. М. Достоевского на английский язык, а также диссертационное исследование М. Ю. Моспановой (2005) об актуализации семантических компонентов в различных элементах концептополей ДОБРО и ЗЛО в русском языке.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при составлении двуязычных немецко-русских словарей, а также на практических занятиях по немецкому языку, лексикографии, лексикологии, лингвокультурологии и переводоведению.

Обсуждение и результаты

Прежде чем приступить к исследованию, стоит сделать одно важное замечание о роли понятий *добро* и *зло* в творчестве Ф. М. Достоевского. Писателя часто причисляют к писателям-философам, включая его имя в ряд ученых, развивавших русскую философско-антропологическую мысль, наряду с А. С. Хомяковым, И. Л. Киреевским, Н. А. Бердяевым, П. А. Флоренским, Н. О. Лосским и другими, а среди писателей – Л. Н. Толстым. На это указывает в том числе философ, социолог, историк Ф. А. Степун (1962) в работе «Миросозерцание Достоевского». Для русской, прежде всего религиозной, философии характерной чертой является ее связь с литературой (Ковалевская, 2020b, с. 20). Период, в который творил Ф. М. Достоевский, совпадает «с развитием основных идейных течений в русской философской мысли» (Валеева, 2017, с. 49). Неудивительно, что особое

место в его творчестве всегда занимает тема борьбы *добра* и *зла* – ключевых понятий философии и этики. *Добро* и *зло* в творчестве Ф. М. Достоевского неразрывно связаны с понятием свободы (Бердяев, 1924). Свобода есть дорога к свободной воле, или своеволию, своеволие толкает к злу, а зло – первопричина преступления, еще одна знаковая тема в творчестве Достоевского. «Писатель отмечает, что без свободы ответственным за зло был бы Бог» (Валеева, 2017, с. 50). Герои Достоевского, ведомые той самой свободой, мечутся между *добром* и *злом*. Каторжники, осужденные за разбой и убийство, делятся друг с другом скудным пропитанием острога, учат неграмотных соседей по нарам читать и выхаживают раненых животных («Записки из мёртвого дома»), герой произведения «Записки из подполья» упивается мыслью о том, что хочет «быть злым», а потом пытается вытащить со дна жизни продажную женщину, правда, быстро прекращает эти попытки. При этом в работе «Тайна добра: проблема добра в творчестве Достоевского» философ Л. А. Зандер (1960) писал: «...большинство исследователей Достоевского согласно в том, что образы зла занимают в его творчестве несравненно более значительное место, чем образы добра».

Центральная тема повести «Записки из мёртвого дома» – искупление преступления, то есть *зла*. Метания личности, объявляющей саму себя *злой*, выступают также фоном второго текста – повести «Записки из подполья», в которой протагонист, «подпольный человек», хоть и является формально свободным, проводит свои дни в – на первый взгляд – добровольном заточении, максимально закрывшись от мира, пестуя в себе свое «зло» и постоянно повторяя: «Я – злой человек», а в конце повести в рыданиях восклицая: «Мне не дают... Я не могу быть... добрым!» (Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 175). Таким образом, *зло* у Ф. М. Достоевского связано прежде всего с самим человеком и его поступками. Тем не менее понятие *зло* может относиться и к метафизической сфере: *зло*, идущее не от человека, а «свыше», когда *злой* именуется высшая сила, например дух или рок. Такое понимание *зла* также встречается в текстах Ф. М. Достоевского. Именно поэтому на материале его творчества мы рассмотрим способы передачи при переводе на немецкий язык контекстов употребления лексемы *злой*, а также близкой к ней по значению лексемы *злбный*.

Прилагательное *злой* является родственным существительному *зло*, а также *злость* и *злбна*: оно включает в себя два основных семантических аспекта, связанных со значениями лексемы *зло* (несущий, заключающий в себе *зло* – *злой дух*, *гений*, *рок* и испытывающий *злость*, *злбу* – *злой человек*) (Толковый словарь Ожегова онлайн). В исследуемых текстах лексема *злой* (в адъективном и адвербиальном употреблении) встретилась нам 27 раз, а лексема *злбный* – 17 раз. Это наиболее часто встречающиеся в данных текстах лексемы с корнем -зл-, наряду со словами *злость* и *злбна* (20 и 25 вхождений соответственно). Анализ словарных толкований позволяет выделить у прилагательного *злой* следующие четыре значения:

1. Заключающий в себе *зло*: *злой умысел*, *злой рок*.
2. Полный *злбны*, *злбности*: *злой мальчик*, *злейший враг*, *злой взгляд*. *Зло подшутить*.
3. Причиняющий сильную неприятность, боль, жжение; сильный, крайний по степени своего проявления (разг., перен.): *злая тоска*, *злой мороз*, *злая горчица* (очень острая).
4. *Злой* на что и до чего. Делающий что-н. увлеченно, с азартом (прост.). *Зол до работы*. Примеров на это значение в исследуемых текстах нам не встретилось, поэтому в работе оно рассматриваться не будет.

Рассмотрим с точки зрения соответствия выделенным словарным значениям найденные в тексте примеры употребления интересующих нас прилагательных.

1. *Злой* как заключающий в себе *зло* (невозможно *злбный; в этом значении попадает лишь один пример: словосочетание «злые духи»):

1.1. ...я ничего не мог узнать о нем предварительно, кроме того, что на сцене появляются **злые духи** и уносят Кедрила в ад (Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 119).

Разин: ...so konnte ich vorläufig nichts Näheres erfahren, ausgenommen das eine, dass auf der Szene **böse Geister** erschienen und den Vielfraß Kedrill in die Hölle schleppen (Dostojewski, 1972).

Элиасберг: Was aber das Stück »Der Vielfraß Kedrill« betrifft, so konnte ich trotz meiner Bemühungen, vorher nicht mehr darüber erfahren, als daß darin **böse Geister** auftreten und den Kedrill in die Hölle schleppen (Dostojewski, 1923a).

Рель: Was aber "Kedrill, den Vielfraß" anlangte, so konnte ich trotz meines lebhaften Wunsches über dieses Stück nichts im voraus erfahren, außer dass **böse Geister** auf der Bühne erscheinen und Kedrill in die Hölle schleppen (Dostojewski, 2003a, S. 212).

2. *Злой* как полный *злбны* (= *злбный*; наибольшее количество примеров в текстах):

2.1. Сам по себе он только был беспорядочный и **злой человек**, больше ничего (Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 28).

Разин: An sich war er nur ein unordentlicher und **böser Mensch**, und weiter nichts (Dostojewski, 1972).

Элиасберг: An sich war er nur ein unordentlicher und **böser Mensch**, sonst nichts (Dostojewski, 1923a).

Рель: An sich war es nur ein **schlechter Mensch** ohne Selbstzucht, weiter nichts (Dostojewski, 2003a, S. 49).

2.2. Я был **злой чиновник** (Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 99).

Разин: Ich war ein **bösartiger Beamter** (Dostojewskij, 1985).

Гайер: Ich war ein **boshafter Beamter** (Dostojewski, 2003b, S. 4).

Рель: Ich war ein **boshafter Beamter** (Dostojewski, 1923b).

2.3. ...я тебе никогда не прощу того, что ты застала меня в этом халатишке, когда я бросался, как **злая собачонка**, на Аполлона (Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 174).

Разин: ...daß ich dir niemals verzeihen werde, daß du mich in diesem elenden Schlafrock angetroffen hast – gerade als ich mich wie ein **kläffendes Hündchen** auf Apollon stürzte? (Dostojewskij, 1985).

Гайер: ...daß ich dir niemals verzeihen werde, daß du mich in diesem Schlafröckchen angetroffen hast, als ich mich wie **ein bösertiger Kläffer** auf Apollon stürzte? (Dostojewski, 2003b, S. 4).

Рель: ...daß du mich in diesem Schlafrocke angetroffen hast, in dem Augenblicke, als ich wie **ein ergrimtes Hündchen** auf Apollon losging? (Dostojewski, 1923b).

2.4. *Багровое, угреватое и злое лицо* его произвело на нас чрезвычайно тоскливое впечатление: точно **злой паук** выбежал на бедную муху... (Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 214).

Разин: Sein rotes, finnisches und **böses Gesicht** machte auf uns einen äußerst unerfreulichen Eindruck. Es war uns, als stürze **eine wütende Spinne** auf zwei arme Fliegen los... (Dostojewski, 1972).

Элиасберг: Sein blaurotes, von Finnen übersätes, **böses Gesicht** machte auf uns einen höchst bedrückenden Eindruck: es war, als ob **eine böse Spinne** auf eine arme Fliege losginge... (Dostojewski, 1923a).

Рель: Sein dunkelrotes, von Pickeln übersätes, **grimmes Gesicht** machte ein uns einen höchst unerfreulichen Eindruck: Es war, als ob **eine böse Spinne** auf eine arme Fliege losstürzte... (Dostojewski, 2003a, S. 382).

2.5. Он только озлоблял уже озлобленных людей своими бешеными, **злыми поступками** (Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 14).

Разин: Durch seine **rasenden, wilden Handlungen** verbitterte er nur diese ohnehin schon erbitterten Menschen (Dostojewski, 1972).

Элиасберг: Er erbitterte nur die schon ohnehin erbitterten Menschen durch seine rasenden, **bösen Handlungen** (Dostojewski, 1923a).

Рель: Er erbitterte nur Menschen, die ohnehin schon erbittert waren, noch mehr durch seine **sinnlos harte Behandlung** (Dostojewski, 2003a, S. 25).

2.6. Уже по робости, с которой она приступала, в несколько приемов, к своей насмешке... я бы должен был догадаться. Я не догадался, и **злое чувство** обхватило меня (Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 159).

Разин: Schon die Zaghaftheit, mit der sie sich erst nach mehreren Ansätzen zu ihrem Spott entschloß, hätte mir alles verraten müssen. Ich aber erriet es nicht, und **ein böses Gefühl** erfaßte mich (Dostojewskij, 1985).

Гайер: Schon aus der Schüchternheit, mit der sie nach mehreren Ansätzen ihren Spott endlich vorbrachte, hätte ich alles erraten müssen. Ich aber erriet nichts, und **ein ungutes Gefühl** stieg in mir auf (Dostojewski, 2003b, S. 109).

Рель: Schon aus der Zaghaftheit, mit der sie erst nach mehreren Anläufen zur Waffe des Spottes griff und sich dazu entschloß, ihre Bemerkung auszusprechen, schon daraus hätte ich erraten sollen, wie es stand. Aber ich erriet es nicht, und **ein böses Gefühl** bemächtigte sich meiner (Dostojewski, 1923b).

3. Злой как интенсивно болезненный, причиняющий боль (рассматриваемую как зло для человека; единичные примеры):

3.1. И чем дальше к лету, тем **злее и злее они [блохи] становятся** (Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 182).

Разин: Und je mehr der Sommer vorrückte, **um so schlimmer wurde die Plage** (Dostojewski, 1972).

Элиасберг: Je weiter wir in den Sommer kamen, **um so wütender wurden sie** (Dostojewski, 1923a).

Рель: Und je mehr wir in den Sommer hineinkamen, **um so bösertiger wurden sie** (Dostojewski, 2003a, S. 326).

В приведенных примерах в значениях прилагательного *злой* на основании контекстной дистрибуции можно выделить отдельные семантические компоненты, актуализующиеся в разных употреблениях: а) «высшая сила» (контексты, связанные не со злобой или злостью, а со злом в метафизическом понимании: в русском языке это такие словосочетания, как *злой дух*, *злые силы*, *злой рок*; соответствует словарному значению (1)); б) «характер» (*злой* вообще, *злой* по натуре, относится только к живому существу; это такие словосочетания, как *злой человек*, *злая старуха*, *злая собака*; соответствует словарному значению (2)); в) «эмоция» (*злой* = разозленный, разозлившийся, возможно, не *злой* по характеру, а испытывающий, а также выражающий *злость*, *зlobу* как временную эмоцию, например, *сегодня он был какой-то злой*, *злой тон*, *злая ухмылка*, *злые глаза*; соответствует словарному значению (2)); г) «интенсивность» (*злой* = сильный, но исключительно в негативном смысле, приносящий крайне неприятные ощущения, например, *злые морозы* (причиняющие болезненные ощущения), *злые блохи* (больно и часто кусающие); соответствует словарному значению (3); это переносное понимание *зла* в русском языке: нечто, приносящее негативные ощущения, но идущее не от высших сил и не от людей).

Компоненты (б) и (в) связаны не с «метафизическим», а с «социальным» *злом*, то есть со *злом*, реализующимся в межличностных человеческих отношениях. Они актуализуются также в русском прилагательном *зlobный*, которое, согласно данным используемых в работе словарей, является синонимом прилагательного *злой* в значении (2) (полный *зlobы*: *зlobный человек*, *зlobная усмешка*, *зlobный взгляд*). Если и можно сказать *зlobный дух*, то это, скорее, будет означать, что дух (возможно, нейтральный по своей сути) чем-то разозлен, рассержен, а возможность словосочетания *зlobные блохи* вызывает еще больше сомнений. В употреблении прилагательного *зlobный* чаще всего отмечается связь с людьми, соматическими объектами (лицо, глаза), жестами, эмоциями и реакциями (усмешка, ответ), голосом и характеристикой другой эмоции, отношениями, действиями (*зlobное презрение*, *зlobно смотреть*, *улыбаться*, *отвечать*, *ожидать*, *поддразнивать*). Основным компонент значения – «эмоция».

4. *Зlobный* как *злой* = полный *зlobы*:

4.1. ...он совсем потерялся, начал бормотать какие-то бессвязные слова и вдруг, **зlobно взглянув на меня**, бросился бежать в противоположную сторону (Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 7).

Разин: Er war völlig fassungslos, stammelte nur ein paar unzusammenhängende Worte und plötzlich stürzte er, **nach einem wütenden Blick auf mich**, in der entgegengesetzten Richtung davon (Dostojewski, 1972).

Элиасберг: ...er verlor ganz die Fassung, fing an, irgendwelche unzusammenhängende Worte zu stammeln, **warf mir plötzlich einen gehässigen Blick zu** und rannte in die entgegengesetzte Richtung davon (Dostojewski, 1923a).

Рель: ...er verlor alle Fassung, begann irgendwelche unzusammenhängenden Worte zu murmeln, **blickte mich grimmig an** und lief plötzlich nach den entgegengesetzten Seite davon (Dostojewski, 2003a, S. 12).

4.2. *Я заговорил с ним [с Александром Петровичем] о нашем городке, о текущих новостях; он отмалчивался и злобно улыбался...* (Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 7).

Разин: Ich begann von unserem Städtchen zu sprechen, von den laufenden Neuigkeiten: ...er schwieг und **lächelte gehässig** (Dostojewski, 1972).

Элиасберг: Ich brachte das Gespräch auf unser Städtchen und auf die laufenden Neuigkeiten; er schwieg und **lächelte gehässig** (Dostojewski, 1923a).

Рель: Ich begann mit ihm von unserem Städtchen, von den laufenden Neugierigkeiten zu reden; er beobachtete stillschweigend und **lächelte ingrimmig** (Dostojewski, 2003a, S. 13).

4.3. *Лицо у него было багровое, злобное* (Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 28).

Разин: Er hatte ein rotes, **böses Gesicht** (Dostojewski, 1972).

Элиасберг: Sein **Gesicht** war blaurot und **böse** (Dostojewski, 1923a).

Рель: Sein **Gesicht** sah purpurrot und **grimmig** aus (Dostojewski, 2003a, S. 50).

4.4. – *Ишь, безобразный человек! – проворчал шедший подле меня хохол, с злобным презрением скосив на него глаза* (Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 72).

Разин: »Sieh einer, so'n plödsinniger Mensch!« knurrte der neben mir gehende Kleinrusse, der ihn **mit gehässiger Verachtung** von der Seite ansah (Dostojewski, 1972).

Элиасберг: »Ist das ein ekelhafter Kerl,« brummte der neben mir gehende Kleinrusse, indem er ihn **mit gehässiger Verachtung** von der Seite ansah (Dostojewski, 1923a).

Рель: „Nein, was für ein widerwärtiger Mensch!“ brummte der neben mir gehende Kleinrusse und **blickte zornig und verächtlich** von der Seite nach ihm hin (Dostojewski, 2003a, S. 130).

4.5. *Одинок и злобно он [орел] ожидал смерти, не доверяя никому и не примиряясь ни с кем* (Достоевский, 1972-1990, т. 4, с. 194).

Разин: **Einsam und unnahbar erwartete er seinen Tod**, mit niemand vertraut, mit niemand versöhnt (Dostojewski, 1972).

Элиасберг: **Er wartete einsam und haßerfüllt auf seinen Tod**, ohne jemand zu vertrauen und ohne sich mit jemand zu versöhnen (Dostojewski, 1923a).

Рель: **Einsam und ingrimmig erwartete er den Tod**; er traute niemandem und versöhnte sich mit niemandem (Dostojewski, 2003a, S. 347).

4.6. – *Ну и помру, – ответила она совсем уж злобно и быстро пошевелинулась* (Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 154).

Разин: »Nun, dann werde ich eben sterben!« **sagte sie wütend** und bewegte sich hastig (Dostojewski, 1985).

Гапер: »Dann werde ich eben sterben!« **antwortete sie, nun ganz böse**, und machte eine heftige Bewegung (Dostojewski, 2003b, S. 101).

Рель: „Na, dann sterbe ich!“ **antwortete sie, nunmehr ganz ärgerlich**, und bewegte sich schnell hin und her (Dostojewski, 1923b).

В рассмотренных переводах мы встречаем прилагательные, которые можно распределить в формате таблице согласно их способности к актуализации тех или иных семантических компонентов. Из Таблицы 1 видно, что лексема *böse* может соответствовать русскому прилагательному *злой* во всех его значениях, как метафизических, так и социальных. Если же речь идет о проявлениях человеческих чувств и эмоций в межличностном общении, то наряду с *böse* могут употребляться другие прилагательные.

Обобщая сказанное, можно отметить, что в русском языке прилагательное *злой* включает в себя целый спектр значений, объединяющий метафизические и социальные понятия: от *злой* до *раздраженный* и *сердитый* (Словарь синонимов..., 2003, с. 402-403). В отношении *злых* сил (в первую очередь духов) единственным вариантом является прилагательное *böse*. В связи с этим можно упомянуть, что прилагательное *böse* в немецком языке в форме субстантива также используется для обозначения дьявола как уникальной метафизической фигуры, тогда как в русском языке дьявол не *злой*, а *лукавый* (*Errette uns vom Bösen! – Сохрани нас от лукавого!* (БНРС)).

Прилагательные *злой* и *злобный* могут выступать как синонимы в тех контекстах, где они относятся к характеристике человеческой природы и средств выражения эмоций: *злой (злобный) человек*, *злое (злобное) лицо*. В случае если прилагательное относится к характеристике метафизических объектов (например, *духи* или *силы*) или характеризует интенсивность воздействия, употребляется только лексема *злой* (невозможно **злобные силы*, **злобная горчица*).

Немецкая лексема *böse* является переводным эквивалентом русского прилагательного *злой* при актуализации в нем любого из возможных семантических компонентов, представленных в Таблице 1. В лексеме *злобный* отсутствует возможность актуализации семантических компонентов «высшие силы» и «интенсивность»; она может использоваться лишь в описании сферы социального взаимодействия (постоянного признака человека (характер) или временного признака (эмоция)). В этом случае в немецком языке наряду с прилагательным *böse* употребляются лексемы, более точно указывающие на аспекты *злости* (здесь и далее варианты перевода приводятся в соответствии со словарем БНРС): *(er)grimmig* (гневно < *der Grimm* – ярость, гнев), *wütend* (яростно < *die Wut* – ярость, бешенство), *zornig* (яростно, гневно < *der Zorn* – ярость, гнев), *gehässig*, *hasserfüllt* (с ненавистью < *der Hass* – ненависть), *ärgerlich* (сердито, раздраженно < *der Ärger* – досада, раздражение, сердитость).

Таблица 1. Распределение переводных соответствий в зависимости от актуализации в них различных семантических компонентов

	Злой	Злобный
высшая сила (не связанная с человеком)	злые духи – böse Geister	–
характер (постоянное свойство)	злой человек – böser Mensch / schlechter Mensch злой чиновник – bösertiger Beamter злая собачонка – kläffendes Hündchen / bösertiger Kläffer / ergrimmtes Hündchen злой паук – wütende Spinne / böse Spinne	злобное лицо – böses Gesicht / grimmiges Gesicht
эмоция (временное свойство)	злое лицо – böses Gesicht / grimmiges Gesicht злые поступки – wilde Handlungen / böse Handlungen / sinnlos harte Handlungen злое чувство – böses Gefühl / unguutes Gefühl	злобное презрение – gehässige Verachtung / zornig und verächtlich hinblicken злобно взглянуть – nach einem wütenden Blick / einen gehässigen Blick werfen / grimmig anblicken злобно улыбаться – gehässig lächeln / ingrimmig lächeln злобно ожидать – hasserfüllt warten / ingrimmig erwarten злобно ответить – wütend sagen / böse antworten / ärgerlich antworten
интенсивность (негатив)	становиться злее (о блохах) – wütender werden / bösertiger werden / schlimmer werden (die Plage)	–

Русское понятие *зло*, отраженное в лексических единицах с этими корнями, охватывает самые разные представления о *плохом* вообще, включая в себя различные дополнительные семы, которые актуализируются за счет своей контекстной дистрибуции (*злой дух* – *злой чиновник*). *Зло* «включает в себя всё плохое, отрицательное, тёмное, вредное, несущее горе, боль, несчастье» (Фролова, 2012, с. 392), поэтому в русско-немецких переводах можно встретить соответствие *злой* = *плохой* (*schlecht, schlimm, ungut*), что было проиллюстрировано примерами 2.1, 2.6, 3.1 в данной работе. *Злой* с семантическим компонентом «интенсивность» в значении «причиняющий негативные ощущения» также может переводиться на немецкий язык прилагательным с корнем *-bös-* (см. пример 3.1).

Отдельно отметим, что указанный в Таблице 1 глагол *kläffen*, от которого образовано причастие *kläffendes* (*Hündchen*), означает «гавкать», «тявкать» и относится либо непосредственно к собаке, либо к человеку, чья раздраженная речь напоминает собачье тявканье. Однокоренное существительное *der Kläffer* обозначает тявкающую собаку либо человека, похожего на нее поведением. Эти лексемы лишь окказионально соответствуют прилагательному «злой», и их нельзя рассматривать как часть набора его постоянных переводных соответствий.

Заключение

Подводя итоги, можно прийти к следующим выводам.

На основе метода сплошной выборки и сравнительно-сопоставительного метода нами были отобраны все контексты употребления прилагательных *злой* и *злобный* в исследуемых оригинальных текстах и их соответствия в указанных переводах. Контекстуальный анализ сравниваемого материала позволяет прийти к следующему заключению: основное семантическое отличие между русским прилагательным *злой* (а также *злобный*) и его наиболее частотными переводными соответствиями в немецком языке заключается в том, что русскоязычная лексема *злой* объединяет в себе несколько различных семантических компонентов, способных актуализоваться в отдельных контекстах. Авторы переводов могут обращать внимание на актуализацию того или иного компонента, отдавая предпочтение различным переводным соответствиям, в которых эти компоненты отражаются более явным образом (*злой* как гневный, раздраженный, сердитый и др.).

Перспективой дальнейшего исследования могло бы быть изучение и описание с точки зрения семантики других лексем, содержащих корень *-zl-*, а также их синонимов (таких как *недобрый, беззлобный, незлобивый, озлобленный* и прочих).

Источники | References

- Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. 1924. http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/berdyayev_mirosozerc_dosto/
- Валева Г. В. Проблема добра и зла в творчестве Ф. М. Достоевского // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2017. № 3 (23).

3. Егорова О. А. Нравственно-оценочные категории «добро» и «зло» в лингвокогнитивном аспекте: на материале русского и английского языков: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ульяновск, 2005.
4. Жукова А. Г., Мандрикова Г. М. Лексема зло в словаре и в языке: динамика семантической структуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45).
5. Зандер Л. А. Тайна добра: проблема добра в творчестве Достоевского. 1960. [https://dostoevsky.rhga.ru/upload/iblock/50d/4\)%20Л.%20А.%20Зандер.%20Тайна%20добра.pdf](https://dostoevsky.rhga.ru/upload/iblock/50d/4)%20Л.%20А.%20Зандер.%20Тайна%20добра.pdf)
6. Ковалевская С. А. Этические лингвоэкологические концепты добро и зло в русской языковой картине мира // Наука и инновации XXI в.: сборник статей по материалам VI всероссийской конференции молодых ученых «Наука и инновации XXI века». Сургут, 2020а.
7. Ковалевская Т. В. Интерпретации русской литературы XIX в.: социология, метафизика или и то, и другое? // Русский язык и культура в эпоху глобализации: című nemzetközi konferencia tanulmánykötete / V. Végvári (szerkesztő), R. Wolosz (szerkesztő). Pécs: Pécsi Tudományegyetem BTK Szlav Filológia Tanszék, 2020b.
8. Коижук Л. В. Концепты «good» и «evil» в британской лингвокультуре: дисс. ... к. филол. н. Владикавказ, 2010.
9. Моспанова М. Ю. Концептуальная оппозиция «Добро – Зло» в фольклорной языковой картине мира: дисс. ... к. филол. н. Брянск, 2005.
10. Пашаева И. В. Семантически сопряжённые категории: das Gute / das Böse и их актуализация в немецком языковом сознании: автореф. дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2004.
11. Печагина Т. В. Добро и зло как категориальные концепты // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 11.
12. Реформатский А. А. Лингвистические проблемы перевода // Иностранные языки в школе. 1952. № 6.
13. Степун Ф. А. Миросозерцание Достоевского. 1962. http://www.odinblago.ru/stepoun_vstrechi/2
14. Тяньцзао Ван. Когнитивная интерпретация этических концептов «добро» и «зло» как категорий базового уровня // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 6.
15. Фролова О. В. Национально-культурная специфика вербализации концептов «Добро – Зло» (на материале английского и немецкого языков) // Язык. Общество. Проблемы межкультурной коммуникации: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Гродно: ГрГУ, 2012. Ч. 1.
16. Шатилова Л. М. Лексико-семантическая репрезентация концепта «добро» в немецком и русском языках: дисс. ... к. филол. н. М., 2006.
17. Kovalevskaya T. V. Dostoevsky and Scholastic Theology: Points of Intersection // Достоевский и мировая литература. Филологический журнал. 2021. № 1.

Информация об авторах | Author information

Чиркова Елена Николаевна¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Elena Nikolayevna Chirkova¹

¹ Russian State University for Humanities, Moscow

¹ elena_ch@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.07.2024; опубликовано online (published online): 30.08.2024.

Ключевые слова (keywords): прилагательное «злой»; семантический компонент; русский язык; немецкий язык; adjective 'злой'; semantic component; Russian language; German language.